



ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN® ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

*История
о любви,
написанная
с тонким
изяществом
и богатством
настоящей
художественной
литературы.
Chicago Tribune*

Аманда Маккейб

**ЗИМНЯЯ
КОРОЛЕВА**

Аманда Маккейб
Зимняя королева

«Центрполиграф»

2011

Маккейб А.

Зимняя королева / А. Маккейб — «Центрполиграф», 2011

Большая честь для юной леди быть фрейлиной королевы. Однако Розамунда Рамси прибыла в Уайтхолл в глубокой печали. В родном поместье остался ее возлюбленный Ричард. Придворная жизнь быстро вскружила девушке голову: интриги, сплетни, а также красавец швед, искусно танцующий на льду. Но судьба снова свела Розамунду и Ричарда. Только поводом для встречи стала уже не любовь, а государственный переворот.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Аманда Маккейб

Зимняя королева

Глава 1

Декабрь, 1564 год

«...Мы глубочайше надеемся, что когда-нибудь при дворе Вы поймете всю опрометчивость своих поступков и порадуетесь, что, к счастью своему, избежали этой не достойной Вас пары. Королева удостоила нашу семью великой чести, приняв Вас одной из своих фрейлин. Вы получили возможность службой ее величеству вернуть доброе имя себе и нашей семье. Найти то, что действительно сделает Вас счастливой. Не разочаруйте ее, не обманите ее ожиданий и наших надежд».

Леди Розамунда Рамси скомкала письмо отца и откинулась на подушку качающегося экипажа. Если бы только она могла выбросить из головы слова отца! Стереть из памяти все, что произошло после тех сладких, теплых дней лета... Неужели миновал всего лишь месяц? Он был долгим, этот месяц, как годы, бесконечные годы, в течение которых она старела, превращаясь в свои девятнадцать лет в старуху, не уверенную ни в себе, ни в своих желаниях.

Дрожа от холода, Розамунда сунула скомканное письмо в вышитую сумочку. Ее мысли вернулись к Ричарду, к их признанию в своих чувствах друг к другу и к тем минутам, когда они украдкой целовались в тени цветущей живой изгороди. Он даже не попытался увидеть ее, когда родители разлучили их.

А теперь ее отсылают из фамильного замка, выгоняют из родного дома и заставляют прислуживать королеве. Без сомнения, ее родители уверены, что она отвлечется в шумной атмосфере королевского двора, как капризный ребенок, которому подсунили блестящую безделушку. Они думали, что при покровительстве королевы Елизаветы да в роскошных новых платьях Розамунда найдет себе другую, лучшую пару, более подходящую имени и богатству семьи Рамси. Кажется, они уверены, что в глазах юной леди все красивые лица одинаково хороши.

Но как плохо они знали ее! Они думали, что она застенчивая, робкая мышка. Но она может стать львицей, когда знает, чего хочет! Розамунда раздвинула занавески, всмотрелась в проплывающий мимо пейзаж. Стремление родителей избавиться от нее было столь велико, что они выпроводили ее сразу же, как получили письмо королевы, – в самый разгар зимы. Вдоль замороженной колеи стояли голые деревья, простирая ветви к серому небу. Хорошо еще, что не идет снег, только белые сугробы лежат вдоль дороги комковатыми кучами.

Ледяной ветер свистел в вершинах голых деревьев и пронизывал до костей. Эскорт Розамунды – вооруженные всадники и ее служанка Джейн в повозке с багажом – молчаливо ежились в плащах.

Лондон. Он казался недостижимой целью. Дворец на Уайтхолл с его теплыми каминами был только мечтой, как и уютная гостиница. Реальностью оставались эта тряская, ухабистая дорога, грязь да пронизывающий холод, который проникал через ее подбитый мехом плащ и шерстяное платье.

Розамунду охватывала замогильная печаль одиночества. Она потеряла родителей, дом, потеряла Ричарда и любовь, которая, как она думала, была взаимной. Теперь она стояла лицом

к лицу с новой жизнью в новом месте, о котором мало что знала; в таком месте, где нельзя потерпеть неудачу, хотя бы из страха, что ее больше никогда не пустят домой.

Она глубоко вздохнула и почувствовала, как морозный воздух взбудрил ее. Она – Рамси! А Рамси не знают неудач! Они пережили смену пяти монархов, Тюдоров, и остались невредимы, с титулом и подобающим ему богатством. И она, Розамунда, сможет ужитья в свите королевы, не ввязываясь в бесчисленные интриги.

Может быть, к ней приедет Ричард и докажет ей свою любовь, спасет ее. Нужно только придумать, как убедить родителей, что он достойная ей пара.

Она высунулась из экипажа, посмотрела на повозку, громыхавшую за ней. Джейн сидела среди сундуков, ящиков и тюков, совсем серая и больная на вид. Прошло много часов с тех пор, как они выехали с постоянного двора, и даже Розамунда, в меховом плаще и на мягких подушках, продрогла. Почувствовав себя эгоисткой, она сделала знак суровому капитану сопровождения, что надо остановиться.

Джейн заторопилась, чтобы помочь ей сойти на землю.

– О, миледи! Да вы совсем замерзли! – выдохнула она, суетясь с белой шерстяной накидкой и перчатками Розамунды. – Неподходящее время для путешествий, нечего тут и говорить.

– Истинная правда, Джейн, – ответила Розамунда. – Ничего, скоро будем в Лондоне, и, несомненно, ни у кого нет дома теплее, а стола обильнее, чем у королевы. Только представь себе – пылающий камин, жареное мясо, вино, сладости, чистая постель, толстое одеяло...

– Если только мы доживем, чтобы все это увидеть, моя леди, – вздохнула Джейн. – Зима больно лютая. Не припомню такой!

Розамунда оставила служанку расправлять подушки в экипаже, а сама направилась в заросли деревьев сбоку от дороги. Она сказала Джейн, что отойдет по нужде, но на самом деле ей хотелось побыть одной, походить по твердой земле.

Она почти пожалела, что рискнула сойти с дороги, когда ноги начали проваливаться в мокрые сугробы и скользить на промерзших лужах. Деревья стояли совсем голыми, но росли часто, и она скоро потеряла из виду свой отряд. Ветви деревьев окружали ее, как волшебные заросли из сказки, из нового странного мира, в котором она оказалась совсем одна. И не было нигде отважного рыцаря, который прискакал бы и спас ее.

Розамунда откинула капюшон, сняла с головы сетку, распустив роскошные серебристо-платиновые волосы. Подхваченные холодным ветром, они рассыпались по плечам ее тяжелого плаща. Она подняла лицо к небу, всматриваясь в серые клубящиеся облака. В Лондоне не будет такой благословенной тишины. Там не услышишь даже собственные мысли, не то что свист ветра или шорохи голых ветвей.

Ей послышался смех. Смех?! Розамунда нахмурилась, напряженно прислушиваясь. Может, она забрела в сказку, в мир фей и лесных духов? Да нет же! Нет! Вот опять смех и голоса! Розамунда, как зачарованная, пошла на эти веселые притягательные звуки...

Она вышла из леса и сразу увидела сцену из другого мира, другой жизни. Перед нею расстился огромный замерзший пруд – круг сверкающего серебряного льда. На его берегах горели костры, выбрасывая к небу золотисто-красные языки пламени и клубы ароматного дыма и посылая приятные волны тепла к замерзшим щекам Розамунды.

И там, у костра, были люди! Четверо – двое мужчин и две дамы – в бархате и мехах. Они смеялись и болтали в тепле костра, пили из кубков вино и жарили на вертелах мясо. А в середине пруда на коньках плавно скользил еще один мужчина! С истинным изумлением смотрела Розамунда, как он вращался, грациозно изогнувшись: его худощавое тело в черном бархатном камзоле и черных бархатных бриджах двигалось все быстрее и быстрее. Пока она, как загипнотизированная, смотрела, вращение замедлялось, и вот он замер неподвижно, как зимний бог на льду!

И весь холод, ветер и гонимые им облака затихли вокруг этого одного человека.

– Энтон! – крикнула одна из леди, аплодируя. – Ты изумителен!

Мужчина на льду изящно поклонился и расслабленно, зигзагом покатил к берегу.

– Да, да. Энтон у нас изумительный, – согласился господин у костра, с низким голосом, с каким-то славянским акцентом. – Изумительный павлин, который обязательно должен продемонстрировать перед леди свои цветастые перья.

Катавшийся на коньках в центре пруда мужчина расхохотался, подъезжая к заснеженному берегу, сел на поваленное дерево, чтобы отстегнуть коньки, локон темных волос упал на лоб.

– Уверен, что я расслышал в твоём голосе зависть, Иоганн. – Глубокий голос Энтона был окрашен мелодичным северным акцентом. Он даже не запыхался от своих выкрутасов на льду.

Иоганн саркастически фыркнул:

– Завидовать вашему обезьяньему кривлянию на коньках?! Не сказал бы.

– О! Уверена, Энтон искусен не только в катании на коньках, – проворковала высокая и поразительно красивая, с черными волосами, леди. Она наполнила вином кубок и, колыхая роскошными бархатными юбками, поднесла его Энтону. – Не так ли?!

– В Стокгольме джентльмены никогда не возражают дамам, леди Эссекс, – ответил тот, поднимаясь с бревна, чтобы принять предложенный ему кубок, и улыбаясь ей поверх золоченого ободка.

– А что еще делают в Стокгольме? – спросила она с кокетливыми нотками в голосе.

Энтон рассмеялся и сделал большой глоток вина. Он повернулся, и Розамунда вынуждена была признать, что он в самом деле красив. Вовсе не павлин, очень уж простой костюм на нем и нет сверкающих драгоценностей, только жемчужина в ухе! И хотя совсем не такой, как Ричард, – тот светловолосый, румяный, мускулистый англичанин, – но, бесспорно, красив.

Ростом он был выше среднего, худощавый, черные как вороново крыло волосы обрамляли его лицо с высокими, резко очерченными скулами и сверкающими черными глазами. И в глазах этих отразилось изумление, когда он увидел Розамунду. Он вернул пустой кубок леди и решительно направился к ней. Розамунда хотела скрыться в деревьях, но ноги ее будто примерзли к земле. Она не могла ни пошевелиться, ни даже отвести от него взгляда.

– Так, так, – улыбнулся он уголками чувственного рта. – Кто это тут у нас?!

В полном смятении, чувствуя себя дурочкой, Розамунда наконец развернулась и побежала к своему экипажу, а изумленный смех Энтона летел за ней.

Глава 2

– Почти приехали, леди Розамунда, – крикнул капитан гвардейцев. – Впереди городские ворота!

Розамунда медленно вынырнула из полного оцепенения в смутное, полусонное состояние, в которое ее загнали холод, усталость и... мысли о таинственном Энтоне – черноволосом красавце, грациозно вращавшемся на льду пруда. Она его видела или он ей только пригрезился?!

Она раздвинула занавески кареты и всмотрелась в серый день. Пока она дремала да корила себя, они оставили позади сельскую местность и въехали в совершенно новый мир, спокойный, переполненный толпами народа, шумный мир Лондона. Ее маленькая свита миновала ворота и влилась в безбрежный поток людей, которые куда-то торопились по своим делам. Телеги, кареты, лошади, мулы и пешеходы двигались по булыжной мостовой с криками, воплями, лязгом, которые слились в ее ушах в непонятную какофонию звуков.

Розамунда не была в Лондоне с детства. Ее родители предпочитали свое графство, а в тех редких случаях, когда отец должен был появиться при дворе, он ездил туда один. Но естественно, воспитывалась она в духе космополитического двора королевы Елизаветы и всего того, что касалось манер, танцев, светской беседы и музыки.

После уединенных аллей и роцц все, что она видела сейчас в Лондоне, было поразительно, и Розамунда зачарованно смотрела вокруг.

Они медленно продвигались по узким улочкам. Неяркий свет становился еще тусклее из-за высоких, стоящих вплотную зданий. Остроконечные крыши почти смыкались высоко над улочками. Окна магазинов в нижних этажах были открыты, а их прилавки завалены прекрасными товарами: лентами, перчатками, золотыми и серебряными украшениями, книгами в прекрасных кожаных переплетах, которые манили ее больше всего.

И запах! Розамунда прятала нос в меховой подкладке своего плаща. Сточная канава, тянувшаяся посреди улицы, почти замерзла, но оставались ядовитые испарения гнилых овощей, лошадиного помета, помойных ведер, которые выплескивали прямо из открытых окон. И все это смешивалось с ароматом жареного мяса, подслащенных орешков, сидра и печного дыма. Все толкались, прокладывая себе путь, торопясь по делам, скользя на булыжниках и замерзшей грязи. Путники слишком устали или замерзли, чтобы раздражаться на стайки нищих. Несколько оборванцев прильнули к карете Розамунды, но ее охрана отогнала их.

– Прочь, рвань! – прорычал капитан. – Леди из свиты королевы!

«Из свиты королевы... – улыбнулась про себя Розамунда, – а тарашит глаза по сторонам, как молочница». Она плюхнулась назад на подушки, сразу же вспомнив, зачем она здесь. Уайтхолл приближался.

Она достала из расшитой дорожной сумки зеркальце. То, что она в нем увидела, вызвало в ней смятение. Ее волосы, прекрасные серебристые, почти платиновые локоны, которые никогда не хотели укладываться в прическу, выбились из-под сетки для волос.

Ее щеки были ярко-красными от мороза, а вокруг голубых глаз пролегли темные круги от многих бессонных ночей. Она выглядела как дикарка из леса, а не как утонченная леди!

– Да, тщетны надежды моих родителей, что я найду себе достойную пару при дворе, – пробормотала она, поправляя волосы. Она надела поверх сетки для волос бархатную шляпку с перьями, разгладила перчатки на руках.

Приведя себя в порядок, насколько было возможно, она снова выглянула наружу. Они наконец-то выехали к дворцу на Уайтхолл.

Большая часть обширного дворцового комплекса, спрятанная за стенами и передними галереями, была скрыта от глаз. Но из книг и рассказов отца Розамунда знала, что за ними

– огромные залы для званых и торжественных обедов, пиршеств; дворцовые комнаты и кабинеты, роскошные спальни, живописные сады с лабиринтами аллей, фонтанами и ухоженными клумбами. И кругом роскошно одетые, подсматривающие, сплетничающие придворные.

Она дышала глубоко, пытаясь думать о Ричарде и хоть о чем-нибудь еще, лишь бы не о том, что ждет ее за этими стенами.

– Леди, мы прибыли, – сказал капитан.

Она открыла глаза, увидев его возле своего неподвижного экипажа, и Джейн рядом с ним. Она кивнула и протянула руку, позволяя ему помочь ей выйти из кареты.

В какой-то момент ей показалось, что земля качается под ногами, – расшатались тротуарные плиты. Ветер здесь, у подножия лестницы, которая вела от узкой аллеи парка Святого Джеймса к началу длинного скрытого портика королевской галереи, был холоднее. А вонь здесь была намного слабее, что уже воспринималось как благо.

– О, миледи, – суежилась Джейн, разглаживая плащ на Розамунде, – ваша одежда так помялась.

– Неудивительно, – отвечала Розамунда. – После такого путешествия.

С того момента, как она увидела Энтон на льду, у нее возникло ощущение, что она погружается в новую, незнакомую жизнь, которую совершенно не понимает.

Она услышала шаги – спокойные, неторопливые, – подняла глаза и увидела даму, спускающуюся по лестнице. Ее темно-зеленое шерстяное платье с миниатюрным желтым жабо вокруг шеи и желтым шелком, видневшимся в разрезах рукавов, было роскошным! Каштановые, с проседью волосы дамы были убраны под зеленый чепец, а бледное, морщинистое лицо настожено, как у тех, кто долго находится при дворе.

«И мне надо быть такой же, – подумала Розамунда, – настоженной и бдительной».

Сейчас она чувствовала себя мышкой, но хорошо знала, как много при дворе мышеловок.

– Леди Розамунда Рамси? – спросила дама. – Я Бланш Перри, вторая камеристка ее величества. Добро пожаловать в Уайтхолл.

Теперь Розамунда заметила на поясе миссис Перри полированный кошель для ключей. Розамунда слышала, что Бланш Перри – фактически первая камеристка королевы, потому что Кэт Эшли, которая официально носила этот титул, очень стара и больна. Дамы Перри и Эшли были с королевой с самого ее детства и знали все, что происходило при дворе. Ни в коем случае нельзя было хоть чем-то заслужить их неблагосклонность.

Розамунда сделала глубокий реверанс, надеясь, что усталые ноги ее не подведут.

– Здравствуйте, миссис Перри. Для меня высочайшая честь быть здесь!

Бледные губы Бланш Перри тронула улыбка.

– Вы должны быть достойны ее. Мы вас изрядно загрузим, леди Розамунда, на рождественские торжества. Королева приказала, чтобы к празднику все было украшено.

– Я очень люблю Рождество, миссис Перри, и мечтаю о том, чтобы служить ее величеству.

– Ну и прекрасно. Я получила распоряжение представить вас ей прямо сейчас.

– Сейчас?! – испугалась Розамунда.

Она должна предстать перед королевой такой растрепанной! Она взглянула на Джейн, которую тоже охватил ужас. Джейн неделями планировала, в каком платье, с какими рукавами, с какой прической должна Розамунда предстать перед королевой Елизаветой.

Миссис Перри подняла брови:

– Как я сказала, леди Розамунда, сейчас очень напряженное время года. Ее величество желает, чтобы вы сразу же начали свою службу.

– К-к-конечно, конечно, миссис Перри. Как пожелает ее величество.

Миссис Перри кивнула, повернулась и пошла вверх по лестнице.

– В таком случае не последуете ли вы за мной? Ваших слуг устроят.

Розамунда ободряюще кивнула Джейн и поспешила за миссис Перри. Этот конец галереи был тихим и пустынным. Темные драпировки на стенах поглощали звуки как извне, так и изнутри. Мимо торопливо прошли несколько человек, но они, по-видимому, были сосредоточены на своих заданиях и не обратили на нее никакого внимания.

Они пересекли дорогу, идущую через ворота зубчатой башни Гольбейна, и вошли во дворец. Широкие окна выходили на засыпанную снегом арену для турниров. Сверкал голубиной и золотом арочный потолок, излучавший тепло в этот сумрачный день; пол был утеплен ковром с богатым рисунком, который скрадывал звуки шагов.

У Розамунды разбежались глаза, она не знала, на что смотреть. Придворные – в атласе и бархате – стояли у окна, переговариваясь вполголоса. Их слова и смех эхом отражались от стен. Они с любопытством посмотрели на Розамунду, когда она проходила мимо.

И были там мириады сокровищ – гобелены и картины, портреты королевы и ее семьи, голландские натюрморты, изобилующие цветами и фруктами. Множество разных диковинок, собранных за долгие годы многими монархами и выставленных в застекленных шкафчиках: заводные часы в виде эфиопа, который скакал на носороге; бюсты Цезаря и Аттилы – вождя гуннов; минералы и камеи; вышитая карта Англии, которую сделала одна из многочисленных мачех королевы Елизаветы...

Но у Розамунды не было времени рассмотреть хоть что-то из сокровищ. Миссис Перри быстро вела ее дальше, в другой коридор, тихий и мрачный после сверкающей галереи. Вдоль коридора тянулись двери.

– Некоторые дамы королевы спят здесь, – пояснила миссис Перри.

Всюду бурлила жизнь: роскошно разодетые придворные; гвардейцы королевы в красно-золотых мундирах; слуги, снующие с корзинами, свертками и подносами.

– А тут личные покои самой королевы, – говорила миссис Перри, кивая придворным, мимо которых они проходили. – Если ее величество пошлет вас к кому-нибудь с поручением, то вы, скорее всего, найдете всех здесь, у личных апартаментов королевы.

Розамунда окинула взглядом людей, играющих в карты за столами.

– Как же здесь разберешься, кто из них кто? – пробормотала Розамунда.

Миссис Перри рассмеялась:

– О! Поверьте мне, леди Розамунда, очень скоро вы разберетесь, кто есть кто.

Из дверей ближайшей комнаты вышел джентльмен – высокий, стройный и темноволосый, в атласном камзоле переливчато-синего цвета. Он ни на кого не взглянул жгуче-черными глазами, но все мгновенно перед ним расступались.

– И это тот, кого вы должны узнать прежде всех других, – заметила миссис Перри. – С этой осени – граф Лестерский.

– Правда?! – Розамунда оглянулась через плечо, но темная фигура уже скрылась. Выходит, сейчас она видела небезызвестного Роберта Дадли, самого влиятельного при дворе королевы Елизаветы. И явно чем-то недовольного.

– Он – прекрасный джентльмен, но в последнее время на него свалилось столько неприятностей!

– Это так, – согласилась Розамунда. Она бы подумала, что он переживает недавнюю, довольно странную смерть своей жены. – Это из-за...

– Скоро вы все услышите, я уверена, – строго прервала ее миссис Перри. – Идемте.

Розамунда последовала за ней через другую комнату – поменьше, заставленную прекрасными музыкальными инструментами, – в кабинет, который, судя по всему, предназначался для обедов. У стен, отделанных полотняными панелями, стояли красивые резные столы, мягкие стулья и буфеты с посудой. Розамунда мельком увидела шкафы, наполненные книгами, но ее быстро повели через пустой королевский кабинет – прямо в спальню королевы.

И напряженные нервы Розамунды, расслабившиеся было от любопытства при виде сокровищ и самого лорда Лестера, снова натянулись струной. Она вцепилась в край своего мехового плаща и молилась, чтобы не упасть в обморок.

Спальня королевы была небольшой и сумрачной, всего с одним сводчатым окном, завешанным красной бархатной портьерой. В камине горели дрова, потрескивая и отбрасывая вокруг красно-оранжевые отблески. В спальне доминировала кровать, резное сооружение с витиеватой инкрустацией из экзотических пород дерева, установленное на помосте, с горой бархатных и атласных подушек и стеганых одеял. Балдахин из черного бархата и парчи был раскрыт, и занавеси закреплены толстыми золочеными шнурами. У окна – туалетный столик, заставленный бутылочками и баночками из прекрасного венецианского стекла, а за ними – лакированная шкатулка. Беспорядочно располагались несколько стульев, на которых сидели леди в черных, белых, золотых и зеленых атласных и бархатных платьях. Они спокойно шили что-то или читали, но все заинтересованно подняли глаза, когда вошла Розамунда.

У окна за маленькой конторкой что-то писала сама королева Елизавета! Сейчас, в тридцать один год и свой шестой год правления Англией, она была молода и привлекательна! Ее золотисто-рыжие волосы, зашпиленные и убранные под чепец из красного бархата, украшенного жемчугом, сияли, как солнце, в сумрачном свете. Она выглядела совсем как на портрете: бледная кожа, острый подбородок... Уголки ее рта – бутона розы – опускались вниз. Но портреты, холодные и отдаленные, не могли передать ауру высочайшей энергии, которая окутывала ее, как яркая пылающая мантия. Они не могли передать способности ее темных глаз видеть насквозь, точно таких же темных глаз, какие улыбались с портрета Анны Болейн, который висел прямо над кроватью королевы.

Королева Елизавета подняла глаза.

– Должно быть, леди Розамунда? – произнесла она мягким глубоким властным голосом. – Мы ждали вас.

– Ваше величество! – выдохнула Розамунда, делая глубокий реверанс. К ее великому облегчению, и слова, и поклон получились безупречными. – Мои родители посылают вам свой глубочайший поклон. Для всех нас величайшая честь служить вам!

Елизавета кивнула, медленно поднялась. На ней были тяжелое платье и свободная мантия, малиновая с золотом. День был холодным, и обрамленный мехом воротничок был запахнут и зашпилен жемчужной брошью. Она подошла, протянула руку, и Розамунда быстро поцеловала ее, и тут же, к ее великому потрясению, Елизавета взяла ее за руку и притянула к себе. Она пахла лавандовым мылом и цветами.

– Мы рады видеть вас при дворе, леди Розамунда, – произнесла королева, внимательно рассматривая ее. – Мы надеемся, вам не терпится помочь нам повеселиться.

Розамунде было не до веселья, но сейчас, под твердым взглядом королевы, она согласилась бы с чем угодно.

– Конечно, ваше величество.

– Вот и славно, – произнесла королева. – Моя дорогая Кэт Эшли нездорова и, кажется, все больше и больше живет воспоминаниями о былом. Я хочу напомнить ей о веселье на праздниках в дни ее юности.

– Я надеюсь, что смогу быть полезной, ваше величество.

– Уверена, что сможете. – Королева отпустила ее руку и вернулась к своей конторке. – Скажите, леди Розамунда, вы хотите замуж? Вы и вправду прехорошенькая... И юная. Вы приехали к моему двору, чтобы подыскать себе красивого супруга?!

– Нет, ваше величество, я приехала сюда не за мужем, – искренне ответила она.

– Более чем рада слышать это, – отозвалась королева Елизавета, положив изящные руки поверх бумаг. – Мне нужны абсолютная преданность и честность. В противном случае возникнут неприятные последствия, которые прочувствовала моя своенравная кузина Катерина.

Розамунда тяжело сглотнула, вспомнив слухи, дошедшие даже до их замка, о Катерине Грей, тайно вышедшей замуж за лорда Хартфорда. Бедняжке пришлось рожать ребенка в Таузере. Закончить так же Розамунда определенно не хотела!

– Я хочу служить только вашему величеству, – совершенно искренне ответила она.

– И будете! Начиная прямо с этого вечера. У нас намечается званый обед в честь шведской депутации, и вы будете в нашей свите.

– Званый обед?! Сегодня?! – Розамунда снова сделала реверанс. – Да, ваше величество.

Елизавета наконец отвела от Розамунды испытующий взгляд и вернулась к своему письму.

– Вам надо отдохнуть. Мисс Перси, одна из наших фрейлин, покажет вам вашу комнату.

К Розамунде быстро подошла леди, невысокая милая бойкая брюнетка в белом шелке и черной бархатной мантии без рукавов.

Розамунда сделала реверанс.

Елизавета жестом разрешила ей идти, и Розамунда последовала за другой девушкой в присутственную залу.

– Я Анна Перси, – сказала девушка, беря Розамунду за руку, будто они знали друг друга много месяцев, а не минуты.

У Розамунды не было сестер и близких подруг. Она не знала, как ей принимать радушие мисс Перси, но все же было приятно почувствовать, что ты не совсем одинока при дворе.

– А я Розамунда Рамси, – ответила она, не зная, что еще сказать.

Когда они вышли из апартаментов королевы в коридор, Анна сказала:

– Я знаю, теперь мы целыми днями только и будем говорить, что о тебе.

– Говорить обо мне?! – изумилась Розамунда. – Я никогда не бывала при дворе. Но если бы и была, моя жизнь такая скучная в сравнении с тем, что здесь происходит.

– Скучная?! – Анна фыркнула совсем не как леди. – О, Розамунда, мы будем говорить о тебе, потому что не видели нового лица долгие месяцы. Мы очень рассчитываем, что ты расскажешь нам какие-нибудь новые истории или сплетни.

– Сплетни?! – рассмеялась Розамунда. Она вспомнила долгие дни в фамильном замке, часы, проведенные за шитьем, чтением, игрой на лютне, придумыванием безрассудных планов, как бы встретиться с Ричардом. – Я клянусь, что жизнь в деревне много скучней, чем при дворе.

– Пожалуй. В поместье моего брата я даже с овцами разговаривала, чтобы слышать свой голос.

– Расскажи мне, как надо вести себя при дворе, – попросила Розамунда. – Может быть, тогда и старые истории покажутся свежими.

– Ну, это я могу прямо сейчас. Обязанностей у фрейлин не так уж много. Мы гуляем с королевой в саду, ходим с нею в церковь, стоим у ее шлейфа, когда она принимает иностранных посланников. Мы вместе с ней шьем, читаем и... уворачиваемся, когда она в дурном настроении бросает в нас туфли.

– Не может быть! – Розамунда от удивления открыла рот.

Анна серьезно кивнула:

– Спроси Мэри Хауард, откуда у нее вмятина на лбу. А она – дочь двоюродного дедушки королевы! Но так бывает только в прескверные дни. Обычно она просто не видит нас!

– Если у нас так мало обязанностей, то что делать в свободное время?

– Наблюдать, естественно. И учиться.

Анна остановилась у одного из арочных окон галереи. Под ними раскинулся изысканный сад; аккуратные, посыпанные гравием дорожки вились между квадратными клумбами, огороженными низенькими оградками. Фонтаны не работали, отключенные на зиму; цветы и зеленая растительность покоились под легким покровом снега и инея.

Но недостатка ни в красках, ни в оживленности не было. Извилистой змеей по дорожкам тек поток людей, их бархат и меха радовали глаз разноцветьем.

Розамунда увидела графа Лестера; его черные волосы блестели в сером свете дня. Он стоял в группе господ, одетых скромнее его. Даже с большого расстояния Розамунда видела гнев на его смуглом красивом лице.

– На этот рождественский сезон у нас будет не меньше трех важных депутатий, – сказала Анна, – и все они не выносят друг друга. Интересно будет смотреть, как они борются за внимание ее величества. – Она понизила голос до доверительного шепота. – Они могут попытаться уговорить тебя, чтобы ты представила их дело королеве.

– Ты имеешь в виду подкуп?! – шепотом спросила Розамунда.

– Что же еще! – Анна вытянула руку, чтобы показать прекрасный жемчужный браслет. – Только будь очень осторожна, выбирая, к кому примкнуть, с кем иметь дело.

– А как я узнаю?

– Вон там видишь? Это австрийцы. – Анна показала в конец сада, где толпились господа в незамысловатых черных и серых одеждах. – Они здесь, чтобы представить своего претендента на руку королевы. Правда, они сейчас как новые испанцы с тех пор, как король Филипп отстал от нас и женился на своей французской принцессе. Всерьез их никто не воспринимает, кроме них самих. А они настроены очень серьезно.

– А кто еще?

– Вон те – шотландцы. – Анна показала в другой угол сада.

Шотландцы были в модных шелках под цвет их драгоценностей: пурпурном, зеленом и золотом. Еще бы, они служили у самой модной королевы – Марии Шотландской!

– Вот тот – главный у них – сэр Джеймс Мелвилл и его помощник, секретарь Майтланд. И кузен Майтланда, господин Макинтош, – тараторила Анна. – Самые высокие и с рыжими волосами. Они кажутся легкомысленнее, беспечнее австрийцев; они танцуют и играют в карты каждую ночь. Кажется, они нравятся ее величеству. Но я бы не была чересчур открытой и искренней с ними.

– А что так? И почему они здесь? Не могут же они здесь устраивать свои брачные дела.

– Напротив. Королева Шотландии очень озабочена перспективами своего брака.

Розамунда посмотрела вниз, на шотландцев в саду.

– Она подыскивает английскую пару? После супружества с королем Франции.

– Может быть. Но королева Елизавета сделает свой выбор. Решит сама!

– Что ты имеешь в виду?

Анна наклонилась ближе, понизив голос до шепота так, что Розамунда едва слышала:

– Королева Елизавета очень хочет, чтобы королева Мария получила в супруги Роберта Дадли. Говорят, поэтому она прошлой осенью сделала его графом.

– Не может быть! – задыхнулась Розамунда. – А я-то думала, что королева сама...

– Мы тоже все так думали, – кивнула Анна. – Странная комбинация. Я уверена, что Мелвилл тоже так думает, потому и болтается тут вместо того, чтобы мчаться к королеве Марии с таким вариантом.

– Так вот почему граф ходит как грозовая туча?

– Естественно.

– А кто же тогда третья депутатия? Они-то какое отношение имеют к этим планам?

Анна развеселилась. Серьезность, с которой она говорила об австрийцах и шотландцах, мигом улетучилась.

– А, это совсем другое дело. Это шведы!

– Шведы?!

– Они опять привезли предложение руки от своего короля Эрика. Кажется, он очень нуждается в помощи могущественной жены. На него ведь две войны надвигаются – с Данией и с Россией. А может, и с Францией. Да еще собственный брат строит козни против него.

– Что-то не слышно было, что он – привлекательный претендент для замужества, – задумчиво протянула Розамунда.

– Поэтому его и отвергли два года назад.

– Почему же тогда она принимает их депутацию?

– Почему! Сама смотри. – Анна показала на компанию, вошедшую в сад.

Высокие, горделивые, с развитой мускулатурой под прекрасными камзолами и короткими меховыми накидками; могучие, как норвежские боги, переступающие порог Валгаллы. И в центре – самый красивый, интригующе таинственный Энтон.

Он нес свои коньки, перекинув их через плечо, и они сверкали серебром на черном бархатном камзоле. Плоская бархатная шапочка закрывала его черные волосы, а яркая улыбка светилась в серости дня. Обворожительная рыжеволосая леди, что была на пруду, держала его под руку и смотрела на него с таким восторгом, будто ее собственное дыхание зависело от его следующего слова.

«О Ричарде думай!» – охладила она себя, зажмурив глаза. Пытаясь вспомнить, как Ричард целовал ее, но у нее ничего не получалось, – видела она только Энтон, вращающегося на льду.

– Вот! Поэтому королева и держит их здесь, – улыбнулась Анна. – Они служат украшением двора.

Розамунда широко открыла глаза, наблюдая, как Энтон веселится с рыжеволосой леди, он стоял все там же, что-то нашептывая ей на ухо, а она прикрыла рот ладошкой, кокетливо смеясь.

– Шведы и австрийцы не терпят друг друга, – весело продолжила Анна. – Королеве пришлось строго-настрого запретить дуэли. Я уверена, что шотландцы уже что-то устроили, хотя никак не придумаю, что именно?! Вон тот, черноволосый, – Энтон Густавсен, – добавила Анна. – Говорят, он только наполовину швед. Мать у него англичанка. Он приехал не только от имени короля Эрика, но и по своим собственным делам. Дед оставил ему поместье в Суффолке, и он хочет заявить о своих правах. Очень доходное поместье. Но у него конфликт с кузиной из-за этой собственности.

– Представить себе не могу, чтобы такой мужчина с кем-то конфликтовал. Уверена, что он очарует любую дикую пташку, которая попадется ему в руки.

Анна бросила на нее острый взгляд:

– Ты уже встречалась с ним? Розамунда покачала головой:

– Это мое впечатление.

– О! Будь осторожна. Тут, при дворе, внешность всегда обманчива. Никто не показывает свою истинную натуру, – единственный способ выжить!

– Вот как? Мне и с вами надо быть осторожнее, мисс Перси?!

– Конечно! – весело отозвалась Анна. – Видишь ли, моя семья очень старая, родовитая и богатая, но все они непоколебимые католики. Я здесь только из милости, потому что моя тетка – в подругах у королевы. Но для своих друзей я всегда достоверный источник забавных сплетен. Розамунда рассмеялась:

– Тогда скажите мне, мисс Достоверность, кто та леди с господином Густавсеном?

Анна снова выглянула из окна.

– Это Летиция, графиня Эссекс, кузина королевы. Ее муж воюет с ирландцами, но это не удерживает ее от того, чтобы веселиться при дворе. Идем, я покажу нашу комнату. Перед сегодняшним приемом у меня будет больше сплетен, которыми можно поделиться.

«Вечер, – подумала Розамунда, – предполагает быть любопытным».

Если она напишет об этом Ричарду, может, он пришлет ей ответ? Если получит письмо. То есть если она все еще хочет слышать о нем, в чем она уже не была уверена.

Анна повела ее назад, в один из тихих узких коридоров, где было очень темно, потому что окна отсутствовали, а свечи еще не зажигали. Розамунда подумала, что интриги двора уже заразили ее.

– Это зал Тайного совета, – шепнула Анна, показав на полуоткрытую дверь.

– Разве вам не интересно, что тут происходит? Что говорят? – шепотом же спросила Розамунда.

– Интересно. Но ее величество никогда не спрашивает нашего мнения о государственных делах. Хотя она и расспрашивает нас о придворных новостях, что почти то же самое.

Она снова потащила Розамунду за руку в комнату, которая не могла быть ничем другим, кроме как жильем фрейлин: длинное узкое прямоугольное пространство с тремя кроватями у стен. Кровати были не такими большими и роскошными, как в спальне королевы, из темного дерева без инкрустации, застланы стегаными зелеными шерстяными и бархатными одеялами и завешены тяжелыми зелеными гардинами, расшитыми золотом. У каждой кровати было устроено что-то вроде шкафа для одежды и умывальник, а остальное пространство комнаты заполняли туалетные столики и зеркала.

У кровати в дальнем углу комнаты стояла Джейн и распаковывала сундуки Розамунды. Она суетилась и охала вокруг мятой одежды.

– О! Чудесно! – воскликнула Анна. – Твоя постель рядом с моей. Пошепчемся ночью! Теперь будет можно, после того как уехала Элеонора Мортимер.

– А что с нею случилось?

– Обычное дело. Забеременела, и ей пришлось с позором покинуть двор. Еще повезло, что не закончила в Тауэре, как бедная Катерина Грей! – Анна уселась на край своей постели. – Замужество без разрешения королевы принесет такие неприятности! О, Розамунда, тебе сегодня надо надеть эту юбочку. Очень миленькая!

Глава 3

– Она тебя хочет, Энтон, – посмеивался Иоганн Ульфсен с явной завистью в голосе.

Энтон смотрел, как Летиция Девере, графиня Эссекс, уходит по дорожке сада. Она неспешно оглянулась и поплыла дальше.

Молодая графиня в самом деле завлекала Энтон сверкающими глазами, поддразнивающей улыбкой и жалобами на долгое одиночество, потому что ее муж – где-то в Ирландии. Ему бы хотелось отвлечься от тяжелого задания, которое он выполнял при дворе Елизаветы Английской. Но Энтон и Летиция Девере хорошо понимали, для чего они тут. К тому же огромные голубые глаза захватили его воображение. Кто она, эта волшебная зимняя королева или фея? Почему убежала, растворилась в тумане и снеге раньше, чем он смог заговорить с нею? Как же ему теперь ее найти?!

– Ты слепнешь, когда натыкаешься на хорошенькую мордашку, – отплатил он Иоганну, но то же он мог бы сказать и о себе самом. – У графини на уме своя игра, и я в ней – просто пешка. – Он кивнул в сторону лорда Лестера, который стоял в другом конце сада, окруженный стайкой своих сторонников.

Леди Эссекс могла иметь серьезные виды на лорда Лестера, но он нацелился на куда больший приз. Интересно будет посмотреть, кто из них добьется своей цели. Но он может и уехать в свое английское поместье, принадлежащее ему по праву рождения. Или вернется в Стокгольм, ко двору эксцентричного короля Эрика и его честолюбивого мятежного брата. Но в любом случае он должен справиться со своим заданием здесь, или придется столкнуться с нежелательными последствиями.

Да, леди Эссекс привлекала, но с этим увлечением он бы справился. Если она уйдет, он и думать о ней забудет. Другое дело – та зимняя фея...

– Пешка не пешка, но ты должен взять, что она предлагает, – зудел Иоганн. – Без забав, которые сами идут нам в руки, тут со скуки одуреешь.

– Да, – подхватил Нильс Вернерсен, обводя взглядом обитателей заиндевевшего сада. – Королева никогда не примет короля Эрика. Она только играет с нами для забавы.

– А что лучше, – рассмеялся Энтон, – чтобы тобой играла королева или графиня, если уж наша судьба на это Рождество развлекать леди?!

– Я знаю судьбу и похуже, – пробурчал Иоганн, – к примеру, воевать с русскими.

– Лучше вести словесную войну с королевой, чем на морозных равнинах биться с царем Иваном и его варварскими ордами, – проворчал Нильс.

– Да, уж лучше мы пострадаем за Швецию здесь, среди одиноких и скучающих леди, – отозвался Энтон. – Они помогут весело провести Рождество.

– Но вы еще не сказали, предпочитаете ли служить прихотям графини или королевы?!

– Или еще какого-нибудь из вашего бесчисленного парада обожательниц?! – ухмыльнулся Нильс. Он смотрел на Мэри Хауард, которая стрельнула глазами в Энтон и быстро отвернулась, покраснев.

– Они все без ума от ваших грандиозных выкрутасов на льду, – с досадой вздохнул Нильс.

– А сейчас, когда Темза почти совсем замерзла, у вас появится еще больше таких возможностей, – добавил Иоганн.

Энтон засмеялся, он наслаждался редкими минутами на льду, когда тебя оставляют все мысли и остаются только движение и изумительное ощущение свободы.

Он покачал головой и, перебросив коньки через плечо, зашагал ко дворцу.

– Не забудьте о приеме, – крикнул он друзьям, – ее величество не жалуется опоздавших!

– Так вы решили послужить забавой королеве?! – хмыкнул Нильс, вместе с Иоганном поторопившись за Энтонем.

Энтон рассмеялся:

– Боюсь, в таких делах у меня не хватает силы духа лорда Лестера. Я не смогу развлекать ее долго. Нет во мне и жертвенности Мелвилла или Майтланда: служить сразу двум королевам, шотландской и английской, довольно утомительно. Но если забавами в Грейтхолле мы можем продвинуть наши дела, то должны это сделать.

Он усмехнулся, похоже, что они его не поняли. Было бы неплохо, если бы он смог всегда держать всех в неведении относительно своих истинных намерений и мотивов.

Он развернулся и легко взлетел по каменной лестнице к галерее. В этот час огромный зал был почти пустым. Все расплзлись по своим углам, подбирать наряд к предстоящему приему и обдумывать свой следующий ход в бесконечной игре придворной жизни. Ему надо было сделать то же. Он услышал, что его кузина прибыла на Уайтхолл, чтобы продумать ответный ход в споре за владение поместьем Брайони. Энтон еще не встречался со своим противником. А поместье было лакомым куском: никто не хотел упустить его без борьбы, и не имело значение, как распорядился их дед. И Энтон мог быть сильным противником! Для него поместье Брайони означало не просто дом, не только надел земли. Он был готов драться за него, даже если оружием турнирной схватки было очарование, флирт и... хитрость. Он повернул к выделенным для шведской депутации апартаментам, упрятанным среди хитросплетений коридоров Уайтхолла. И тут его внимание привлек всплеск смеха, тихий, приглушенный, но искрящийся, как золотая ленточка, вплетенная в серый день или мрачные мысли.

– Ш-ш-ш, – услышал он женский шепот, – это сюда, только надо побыстрее.

– Ой! Анна, я не уверена...

Энтон выглянул из-за угла и увидел две одетые в белое с серебром фигурки фрейлин, которые крались на цыпочках по узкому темному коридору. Одна из них была Анна Перси, миленькая бойкая брюнеточка, которая приковала к себе нежное внимание Иоганна. А с нею – его зимняя фея или королева? В первое мгновение он онемел, не смея поверить в то, что увидел! Он уже думал о ней как о мираже, лесном духе, сотворенном из снега и льда и не существующем в реальности.

Но это была она, и она, сдерживая смех, пробиралась на цыпочках по коридору дворца. Она оглянулась через плечо, и Энтон поспешил скрыться в спасительной тени. На какое-то мгновение ее плечи напряглись, и она замерла. Энтон испугался, что она заметит его, но Анна Перси потянула ее за руку, и они обе скрылись за углом.

Он смотрел на то место, где она только что была. Воздух здесь мерцал, будто звездочки поплясали какое-то мгновение и исчезли. Кто же она?!

Его размышления были прерваны топотом Иоганна с Нильсом.

– Куда ты так устался? – спросил Нильс. Энтон мотнул головой, пытаясь стряхнуть волшебное видение.

– Мне показалось, что я кого-то здесь слышал.

– Может, одна из твоих обожательниц где-то притаилась, – засмеялся Иоганн.

Глава 4

Торжественный прием королевы состоялся не в Грейтхолле, а в небольшом салоне рядом. Мерцающие гобелены – сцены летней охоты и пикников – согревали стены с темными панелями, а в камине полыхал огонь; его красно-оранжевые отблески несли тепло и причудливый свет на позолоту потолка и великолепную посуду, бокалы и кубки на столах, покрытых парчовыми скатертями.

Два лютниста играли красивую мелодию, когда Розамунда устроилась на одной из скамеек с подушками, стоящими ниже королевского трона. Слуги в ливреях разносили большие наполненные блюда и разливали эль и благоухающие вина в кубки. Все вокруг казалось Розамунде одним огромным разноцветным вращением. Смех – навязчиво громкий, стук ножей по серебру, острые запахи вина, жареного мяса, древесного дыма и... цветочных духов.

Она сидела вместе с фрейлинами – в стайке зимних воробьев в серебристо-белых платьях, тихонько пила вино и прислушивалась к пикированию Анны с Мэри Хауард.

Королева возвышалась над толпой на троне. С одной ее стороны был австрийский посол Адам фон Зветкович, с другой – глава шведской делегации. Рядом со шведом – шотландец сэръ Джеймс Мелвилл.

Черноволосого шведа здесь не было.

– Розамунда, попробуй это, – предложила Анна, положив ей на тарелку кусок пирога с пряной свиной. – Очень вкусный, а ты ничего не ела, как приехала.

– Быть худой – теперь не модно, – фыркнула Мэри Хауард, насмешливо посмотрев на руки Розамунды под рукавами из серебристого атласа. – Наверное, в деревне за модой не следят, но здесь это очень важно.

– Уж лучше так, чем не влезать в свой корсет, – парировала Анна. – Или, может быть, незатянутые шнуровки для того, чтобы поймать взгляд лорда Фулкса?

– Даже при том, что он помолвлен с леди Понсби, – поддакнула Катерина Книветт, еще одна фрейлина.

Мэри Хауард вздернула голову:

– Меня не волнует ни лорд Фулкс, ни его помолвка. Я только хотела дать леди Розамунде дружеский совет, потому что она при дворе новенькая.

– Не думаю, что она нуждается в твоих советах, – снова парировала Анна. – В этом зале с нее уже многие джентльмены глаз не спускают!

– Ну что ты говоришь, Анна, – пробормотала Розамунда.

– Не скромничай! – улыбнулась Анна. – Посмотри туда, и сама увидишь.

Она потянула Розамунду за руку, чтобы повернуть ее к другой части зала, но Розамунда увидела, что все не сводили глаз с королевы. Королева была звездой, вокруг которой крутилось все, и выглядела она как звезда в платье из золотой парчи и черного бархата. Ее рыжие волосы были убраны под золотую корону.

Только один из гостей не смотрел на королеву, а с угрюмой напряженностью глядел на нее, Розамунду, – Энтон Густавсен. Да, это был он!

Тогда, на пруду, он был в самом деле великолепен в ясном холодном свете дня – человек из другого мира. И в этом прекрасном королевском дворце, в свете камина и свечей, он был не менее красив. Черные волосы были откинута со лба и заправлены под блестящий головной убор. Отблески света и теней играли на выточенном лице, высоких скулах и волевом подбородке.

Розамунда почувствовала, что ей трудно дышать.

О чем он думает, глядя на нее так серьезно? Может, вспоминает, как глупо она убежала от него тогда, у пруда? Она заставила себя поднять лицо и твердо встретить его взгляд. Его

губы медленно растянулись в улыбке, обнажив восхитительные белые зубы, отчего застывшие черты лица оживились, но темно-карие глаза оставались серьезными.

Розамунда поймала себя на том, что тоже улыбается. Она не могла сдержаться, и, потому что она едва могла вдохнуть, улыбка получилась заразительной. Смутившись, она отвернулась.

Розамунда откусила кусочек фаршированного кролика, а сама гадала: смотрит ли еще на нее Энтон Густавсен? Интересно, что он думает о ней? Что скрыто за непроницаемым взглядом?

– Чего это я разволновалась?! – пробормотала она, отламывая кусочек белого хлеба.

– О чем ты разволновалась? – тут же переспросила Анна. – На какого-нибудь джентльмена загляделась?!

Розамунда покачала головой. Не могла же она сказать, каким красивым и интригующим представлялся ей Энтон Густавсен.

– Я тебе скажу, Анна, но... если ты поклянешься, что никому не скажешь.

– Клянусь! – выдохнула Анна; глаза у нее от любопытства расширились. – Я храню секреты, как могила.

– Меня не интересуют джентльмены при дворе, потому что есть один джентльмен там, откуда я приехала.

– Джентльмен? – ахнула Анна.

– Тшш... – Розамунда приложила пальчик к губам. – Ни слова, пока слуги разносят блюда.

– Но потом ты мне все расскажешь, – прошипела Анна.

Розамунда кивнула, хотя на самом деле не хотела рассказывать о Ричарде. Она воткнула нож в жареного голубя в мятном соусе и воскликнула:

– Как можно столько есть каждый вечер?!

– О, это пустяки! – отозвалась Мэри Хауард. – Вот дождись рождественского банкета. Будут дюжины и дюжины блюд и кекс с изюмом!

– Мы никогда не можем съесть всего, – вздохнула Анна, – даже Мэри не может...

Мэри проигнорировала ее:

– Все, что мы не доедим, отдают бедным.

Пока разговор фрейлин вертелся вокруг придворных сплетен, подали сладкие вафли с оттисками старинных пушек и роз королевской династии Тюдоров. Вино текло рекой, и разговоры стали громче и ярче, а смех непринужденнее.

Розамунда почти отвлеклась от мысли, смотрит ли на нее Энтон Густавсен, только раз оглянулась, чтобы увидеть, как он спокойно разговаривает с леди в золотистом шелке. Дама не отрывала от него глаз, она смотрела на него с полуоткрытым ртом, будто боялась что-то пропустить.

Наконец со сладостями было покончено, и королева встала, подняла руки, и ее жемчужные браслеты отразили свет камина. Разговоры сразу утихли.

– Дорогие друзья, – сказала она, – благодарю вас, что вы присоединились ко мне в этот вечер, чтобы оказать честь гостям нашего двора накануне рождественских празднеств. Но и этот вечер еще не закончен, и я надеюсь, что мистер Вернерсен удостоит нас танцами.

Нильс Вернерсен низко поклонился. Все поднялись со своих мест и отошли к стенам. Пока слуги сдвигали столы, лавки, стулья, к лютистам подошли и другие музыканты. Энтон стоял в противоположном конце зала, и предупредительная леди у его локтя... Розамунда отвернулась от них.

– Очень надеюсь, что вы знакомы с новыми танцами из Италии, леди Розамунда, – заметила Мэри Хауард: ее расширенные глаза – сама забота! – Изящные повороты на танцевальном полу для королевы много значат.

– Очень мило, что вы беспокоитесь обо мне, мисс Хауард, – преувеличенно вежливо ответила Розамунда, – но у меня дома был учитель танцев, так же как и учитель игры на лютне и клавесине. И был репетитор по латыни, испанскому, итальянскому и французскому.

– Жаль, что не шведскому, – поджала губы Мэри Хауард. – В этот сезон они – воодушевление двора.

– Как будто сама знает разницу между «Ja» и «Neu», – прошептала Анна Розамунде. – Главное «Ja» – на случай, если появится шанс ответить мистеру Густавсену. Жаль только, что он на нее ни разу не взглянул.

Розамунда засмеялась, но тут же укротила свое хихиканье, потому что увидела, как к ним подплывает королева, а шотландский секретарь Майтланд держит ее под руку.

– Мисс Перси, – произнесла королева, – секретарь Майтланд спрашивает, не соизволите ли вы быть его партнершей в этом танце?

– Да, ваше величество. – Анна склонилась в реверансе.

– И леди Розамунда, – продолжила королева, переведя свой яркий взгляд на Розамунду. – Надеюсь, вы прибыли ко двору готовой к танцам?

– Да, ваше величество. – Розамунда повторила за Анной реверанс.

– Тогда надеюсь, вы станете партнершей мистера Макинтоша. Он уже доказал, что в танце очень легкий на ногу.

Высокий широкоплечий Макинтош с гривой рыжих волос и коротко подстриженной рыжей бородой поклонился ей и протянул руку.

Розамунда позволила ему вывести себя в танцевальный круг, впервые почувствовав себя уверенной с тех пор, как ступила в Уайтхолл. Уроки танцев были единственным светлым пятном среди ссор с родителями и слезами из-за того, что ее разлучили с Ричардом. Ее учитель говорил, что у нее врожденное чувство танца, не то что к светским беседам, которые давались ей с трудом.

Но танец не начнется, пока королева не займет свое место в первой паре танцующих. А ее величество обходила комнату, составляя пары, которым, как казалось, не хотелось танцевать вместе.

– Леди Розамунда Рамси, – любезно произнес мистер Макинтош, будто почувствовав ее застенчивость. – Ведь Рамси, как я думаю, шотландское имя.

– Возможно, много лет назад, – ответила Розамунда, – у моего прапрадедушки было поместье на границе.

«Из которого ему нравилось совершать набеги на своих шотландских соседей, за что дедушка королевы наградил его плодородными землями на юге и титулом графа. Но об этом вряд ли было уместно упоминать в светской беседе с шотландцем!»

– Выходит, вы моя соотечественница, – продолжал он.

– Я никогда не видела Шотландию.

– Так вы новенькая при дворе. Я непременно запомнил бы такое прелестное лицо, если бы встретил раньше.

– Вы очень добры, мистер Макинтош, – засмеялась Розамунда.

– Нисколько. Я только сказал правду. Недостаток шотландцев – у них нет таланта к придворной трескотне. Вы самая прелестная леди в этом зале, леди Розамунда. Я должен говорить правду.

Розамунда снова засмеялась, рассматривая его шафрановый с черным камзол и приколотую к высокому воротничку жемчужную эмблему Шотландии – чертополох. Чертополох конечно же символизировал его службу королеве Шотландии, то есть леди, наиболее одаренной к придворной риторике, о чем Розамунда знала из разговоров.

– Вы не могли бы уронить чести любого двора, а не только такого прекрасного, как я слышала, который держит в Эдинбурге королева Мария.

Он тоже засмеялся:

– Ого, леди Розамунда, я вижу, вы уже научились льстить. Королева Мария действительно держит восхитительный двор, и мы гордимся, что служим ее интересам здесь.

Интересам ее брака?! Розамунда заметила, что Роберт Дадли стоит со своими друзьями в тени – мрачная фигура, несмотря на ярко-алый камзол. Он не присоединился к танцу, хотя, как Розамунда слышала раньше, всегда был любимым партнером королевы Елизаветы. Он определенно не выглядел охотником до женитьбы на любой из королев.

– А она такая красивая, как говорят, ваша королева Мария? – спросила Розамунда.

Мистер Макинтош прищурился:

– Да, очень красивая!

– Такая же красивая, как королева Елизавета?

– О нет! Здесь уж вы судите сами, леди Розамунда. Говорят, красота – дело вкуса.

– Разве мне представится возможность? Разве королева Мария скоро прибудет сюда с государственным визитом?

– Ей давно не терпится встретиться со своей кузиной, королевой Елизаветой, но, насколько я знаю, таких планов пока нет. Возможно, лорд Лестер позволит вам изучить портрет королевы Марии, который висит в его апартаментах. Тогда вы мне скажете, кого нашли красивее.

Розамунда не успела ответить, как музыканты заиграли оживленный итальяно-французский танец гальярда и королева исполнила первую фигуру танца.

Она приняла руку Макинтоша и прошла вокруг него быстрыми прыгающими шажками, немного вращаясь, пока они не обогнули следующую пару. В разговоре она забылась и не подсматривала, где Энтон Густавсен, но, когда двинулась в следующей фигуре танца, вдруг оказалась с ним лицом к лицу. Сам он не танцевал, только стоял возле танцевальной дорожки, скрестив руки и наблюдая, как все веселятся. Едва заметная непостижимая улыбка тронула его губы, но глаза оставались мрачными, оникс в мерцании полусвета.

Розамунда поймала себя на мысли, что ей хочется подбежать к нему и потребовать ответа: о чем он думал, что видел, когда смотрел на танцующих? Когда на нее смотрел? И, будто угадав ее мысли, он низко ей поклонился.

Она снова вернулась в центр танцующих, и они вращались все быстрее и быстрее. Ощущение прерывистого движения только росло, когда весь зал начал расплываться вокруг нее, превращаясь в вихрь цветов и света. А когда она замедлилась в заключительных фигурах танца, покачиваясь от головокружения, Энтон уже исчез.

Когда музыка смолкла, она ответила реверансом на поклон Макинтоша.

– Вы уверены, что никогда раньше не были при дворе, леди Розамунда? – спросил он, беря ее руку, чтобы отвести к другим фрейлинам.

– Разумеется! Я бы определенно запомнила такое долгое путешествие, – ответила она.

– Вы будто танцевали здесь лет десять, – его голос понизился до шепота, – лучше своей королевы, миледи. Только никому не признавайтесь, что я так сказал.

Еще раз поклонившись, он отошел, оставив Розамунду возле Анны Перси.

– Тебе понравилось танцевать с шотландцем? – спросила Анна.

– Понравилось.

– Это хорошо. Только я не была бы с ним слишком дружелюбной.

– Почему, Анна?

– Говорят, он в последнее время часто встречается с леди Леннокс – Маргаритой Стюарт.

– С кузиной королевы?!

– Да, с вот этой. – Анна качнула веером в сторону бледнолицей леди в черном атласе, стоящей у камина с кислой миной и наблюдающей за весельем. – Она недовольна замыслом

королевы женить Лестера на королеве Марии. И говорят, кое-кто из шотландской партии с ней согласен.

Розамунда посмотрела на суровую даму:

– А кого же они хотят женить вместо него?

– Как кого! Родного сына леди Леннокс, лорда Дарнли, естественно. Что-то я его не вижу здесь сегодня. Должно быть, гоняется за своими служанками или слугами, смотря что ему в голову взбредет.

Больше они поболтать не успели, потому что к ним снова подходила королева, а за нею австрийцы и шведы. Анна и Розамунда присели в реверансе, а когда Розамунда поднялась, увидела, что Энтон Густавсен снова наблюдает за нею. Сейчас он не улыбался, но она отчетливо почувствовала, что он в веселом расположении духа.

Из-за нее? Из-за сияющего окружения вообще?

– Вы хорошо танцуете, леди Розамунда, – произнесла королева. – Вижу, уроки не прошли даром. В замке Рамси вас учил мистер Джеффри, не так ли?

– Да, ваше величество, – ответила Розамунда, переводя глаза с Густавсена на королеву. Взгляд Елизаветы был настолько твердым, ясным и проницательным, что Розамунде показалось, что ее секреты она разгадает без труда. – Мне очень нравится танцевать, хотя, боюсь, мне еще надо многому научиться.

– Вы скромничаете, леди Розамунда. Уверена, если вам и надо подучиться, то не больше, чем любому при дворе. – Королева вдруг повернулась к Энтону: – А вот мистер Густавсен утверждает, что он совсем не умеет танцевать.

– Совсем, ваше величество?! – Розамунда вспомнила, как он выглядел на льду – пластичная сила и грация. – Верится с трудом!

– Верно, леди Розамунда. Немыслимо, чтобы кто-то при моем дворе не умел танцевать, особенно накануне предстоящих празднеств.

Энтон поклонился:

– К сожалению, у меня не было возможности поучиться, ваше величество. И я несправимо неуклюжий...

Теперь Розамунда поняла, что такое настоящая ложь.

– Нет таких, кто совершенно не способен научиться танцевать. Возможно, они не получают такого естественного удовольствия от движения, как я или, как мне кажется, леди Розамунда. Но каждый может выучить последовательность шагов и движений в такт музыке и в нужном направлении.

Энтон опять поклонился:

– Боюсь, я представляю собой унылое исключение, ваше величество.

Королева прищурилась:

– И вы согласны на пари, мистер Густавсен?

Он поднял черную бровь, дерзко выдерживая вызывающий взгляд королевы:

– Какой предмет пари имеет в виду ваше величество?

– Единственный! Я держу пари, что каждый может танцевать, даже если он швед. Если, разумеется, ему дать хорошего учителя. Чтобы это подтвердить, вы должны постараться и станцевать нам вольта в Двенадцатую ночь.¹ Думаю, этого времени будет достаточно для уроков.

– Боюсь, я не знаю ни одного учителя, ваше величество. – Мелодичный северный акцент Энтона стал резче от сдерживаемого смеха. Почему?! Розамунда поняла, что он на самом деле наслаждается происходящим! Он получал удовольствие от пререканий с королевой!

Такой дерзости Розамунда могла только позавидовать.

¹ Двенадцатая ночь – последний день рождественских Святков. (Примеч. пер.)

– Здесь вы ошибаетесь, мистер Густавсен. – Королева повернулась к Розамунде. – Леди Розамунда показала себя великолепным танцором, и у нее терпеливые, спокойные манеры, что большая редкость при дворе. Так, миледи, я даю первое задание при дворе – учить мистера Густавсена танцевать!

От такой неожиданности Розамунда похолодела. Она была совершенно уверена, что не сможет сосредоточиться на торжественном медленном павана или быстром запутанном вольта, если будет стоять возле Энтон Густавсена, чувствовать его руку на своей талии, видеть его улыбку совсем рядом. Она конфузилась от одного взгляда на него.

– Ваше величество, – наконец осмелилась она, – я уверена, много танцоров опытнее...

– Вздор! – оборвала ее королева. – Вы превосходно справитесь с этим. Вы дадите свой первый урок после церковной службы в утро Рождества. Что скажете, мистер Густавсен?

– Я скажу, ваше величество, что мое единственное желание – угодить вам, – ответил он с поклоном.

– И вы не из тех, кто уклоняется от вызова, да?! – слегка улыбнулась королева, и глаза ее сверкнули озорством, понятным только ей.

– Ваше величество, вы, как всегда, проницательны, – ответил Энтон.

– Итак, условия таковы: если я выиграю и вы научитесь танцевать, то заплатите мне шесть шиллингов и сделаете подарок леди Розамунде, какой мы обсудим позже.

– А если выиграю я, ваше величество? Елизавета рассмеялась:

– Уверена, мы найдем вам подходящий приз в нашей казне, мистер Густавсен. А теперь идемте, посол фон Зветкович, я хочу танцевать.

Королева поплыла дальше, Анна – за ней, с Иоганном Ульфсенем. Анна бросила косой взгляд на Розамунду, который обещал изобилие вопросов.

Вокруг них все успокоилось, и Розамунда повернулась к Энтону. Ей показалось, что на какой-то миг их окутало собственное облако, густое, непроницаемое, заглушившее весь шум зала.

– Вы мошенник, – прошипела Розамунда.

– Миледи! – Он приложил руку к сердцу, глаза его потемнели от притворной боли, но Розамунда отчетливо слышала, что в его голосе прячется смех. – Что я сделал, чтобы заслужить такое обвинение?

– Я видела, как вы катались на пруду.

– Катание и танцы – не одно и то же.

– И там и там нужно держать равновесие, иметь грацию и координацию движений.

– Вы сами катаетесь?

– Нет. У нас не так холодно, как у вас на родине. Эта зима – исключение. Я редко видела замерзший пруд или реку.

– Тогда вы не можете знать, что катание и танцы – одно и то же, ja?!

Мимо проходил слуга с подносом кубков с вином, и Энтон взял два. Один он протянул Розамунде, его пальцы нежно коснулись ее пальцев. Розамунда вздрогнула от этого прикосновения, простое прикосновение руки Энтон заставило ее затрепетать.

– Я уверена, что они не сильно отличаются. Если вы умеете кататься, то можете и танцевать, – сварливо проворчала она и, чтобы скрыть смущение, отпила немного вина.

– И наоборот?! Очень хорошо, леди Розамунда. Теперь я предлагаю вам пари.

Розамунда подозрительно посмотрела на него.

– Какое еще пари, мистер Густавсен?

– Говорят, ваша Темза уже почти замерзла. За каждый урок танцев, который вы мне дадите, я буду давать вам урок катания на коньках. Тогда мы и посмотрим, одно и то же это или нет.

С восторгом Розамунда вспомнила, как он парил надо льдом. Это было так соблазнительно. Но...

– Я никогда не смогу как вы. Я буду падать.

Он засмеялся – глубокий теплый звук, который гладил, как ласковый шелк или бархат.

– Вам необязательно возвращаться, леди Розамунда. Надо только стоять и тихонько двигаться вперед.

– На двух маленьких тоненьких железочках, привязанных к моим туфлям?

– Клянусь, это не так трудно, как кажется.

– Танцевать тоже нетрудно.

– Тогда давайте докажем это самим себе. Только маленькое безобидное пари, моя леди.

Розамунда нахмурилась:

– У меня нет своих денег.

– У вас есть куда большая драгоценность.

– И что же?!

– Локон ваших волос!

– Локон! – Она непроизвольно коснулась волос, которые были аккуратно заправлены под серебряный головной убор и тонкую вуаль. – Зачем он вам?

Энтон напряженно смотрел, как она провела пальцами по выбившейся прядке.

– Я думаю, ваши волосы созданы из лучей лунного света. Они заставляют меня вспомнить о долгих ночах на моей родине, о том, как сверкает серебряный лунный свет на снегу.

– О! Мистер Густавсен, – выпалила Розамунда, – вы прошли мимо своего призвания. Вы не дипломат и не фигурист. Вы – поэт!

Он засмеялся, и вспышка серьезности рассеялась, как зимний туман.

– Боюсь, не больший, чем танцор, миледи. Очень жаль, потому что, как мне кажется, здесь, в Лондоне, и поэты, и танцоры в цене!

– А в Стокгольме – нет?! Он покачал головой:

– В последнее время в Стокгольме в цене только войны, и больше ничего.

– Жаль. Я думаю, поэзия скорее помогла бы вашему королю добиться руки нашей королевы.

– Думаю, вы правы, леди Розамунда. Но я все же должен выполнять свой долг.

– Да, все мы должны выполнять свой долг, – грустно ответила Розамунда, вспомнив наставление своих родителей.

Энтон улыбнулся ей:

– Но жизнь состоит не только из одних обязанностей, миледи. Нужны и развлечения.

– Конечно. Особенно на Рождество.

– Тогда мы заключаем пари?!

Розамунда рассмеялась. Возможно, сказывались вино, музыка, усталость от долгой поездки из дома ко двору и всего этого дня, но она вдруг почувствовала себя восхитительно-беспечной.

– Хорошо! Если вы не научитесь танцевать, а я не научусь кататься, я дам вам прядку моих волос.

– А в противном случае? Какой приз вы потребуете для себя?

Он наклонился к ней так близко, что она видела морщинки на его лице, небольшую тень от бороды вдоль подбородка, почувствовала запах летней липы от его духов. «Поцелуй», – чуть не выпалила она, глядя на скрытую улыбку его губ.

Интересно, как он целуется? Нетерпеливо, страстно, как Ричард? Или медленно, лениво, смакуя ощущения? Какой он на вкус?

Она отпила еще вина и отступила на шаг; ее взгляд упал на его ладонь, сжимающую бокал. На мизинце было кольцо – рубин в филигранной золотой сеточке.

– Прелестный пустячок, – сказала она вдруг осипшим голосом, показав на кольцо. – Вы поспорите на него?

Он поднял руку, разглядывая кольцо, будто забыл, что оно у него есть.

– Как пожелаете.

– Хорошо, – кивнула Розамунда. – Жду вас в галерее в рождественское утро на первый урок.

– А как замерзнет Темза, мы идем кататься!

– До встречи, мистер Густавсен. – Розамунда быстро присела в реверансе и побежала к другим фрейлинам, собравшимся у двери, потому что подошло время королеве покинуть зал, а они должны были ее сопровождать. Только перебежав весь зал, она, наконец, вдохнула всей грудью. Голова у нее кружилась.

– О чем это вы так долго разговаривали? – шепотом спросила Анна.

– О танцах.

– Будь я на твоём месте, нашла бы тему получше! Думаешь, ты сможешь выиграть пари королевы?!

Розамунда пожала плечами.

Что могло подтолкнуть его обещать ей фамильное кольцо?!

Энтон сдвинул в кулаке тяжелый бокал, наблюдая, как она уходит, – тисненное серебро кубка с вином вдавилось в мозолистый бугорок ладони. Казалось, весь свет собрался вокруг нее в серебряное сияние и нес ее над шумом зала. Он хорошо знал, что заставило его согласиться на такое нелепое пари. Она сама! Розамунда Рамси! И только она! И... то, что он видел в ее больших голубых глазах.

Она не так долго была при дворе, чтобы научиться полностью скрывать свои чувства. Она пыталась скрыть, но каждый раз они прорывались через выразительные глаза, высвечивая страх, нервозность, возбуждение, храбрость, смех, неуверенность.

Он давно жил среди тех, кто всю жизнь носил маски. Скрытность стала частью их, и они уже сами не понимали, кто они и что они чувствуют. Даже он носил маски – целую кипу этих самых масок на любой случай. Они защищали лучше, чем доспехи. Все же, когда смотрел на Розамунду, он чувствовал, как на него давит его скрытность. Он не мог избавиться от своей скрытности, но наслаждался ее свободой от скрытности, пока она не научится надевать свои маски. Ждать недолго, и он чувствовал безотчетную грусть, что эти глаза, милая улыбка превратятся в непроницаемые и фальшивые.

Что ж, он будет наслаждаться ее обществом, пока может. Приближается время и для его задания, и он не должен здесь оступиться. Он разжал кулак и уставился на рубин, который отсвечивал кроваво-красным в свете свечей, напоминая ему об его обещаниях и грезах.

– Устроить пари с королевой?! – Иоганн подошел к Энтону, вырывая его из мрачных мыслей. – Разумно ли, если исходить из того, что мы о ней слышали?

Энтон засмеялся, наблюдая, как королева Елизавета разговаривает со своим главным советником лордом Бергли, его лицо состарили заботы, а волосы и борода подернулись седой. Служба английской королеве могла принести большие разочарования, как они уже усвоили на своем собственном опыте. По ее прихоти они прохлаждались при дворе, посещали танцы, пока она решала, как обойтись с предложением короля Эрика. Энтон был убежден, что у нее нет намерений выходить замуж за его короля или за кого-то еще, но они не могли уехать, пока не получат официального ответа. А тем временем они танцевали, обедали и осторожно кружили вокруг австрийцев и шотландцев.

Что до личного дела Энтон, то королева вообще не давала ответа.

С ума сойти! В битве проще: там ответ добывается мечом. Однако он человек терпеливый и целеустремленный. Он умеет ждать.

По крайней мере, есть Розамунда, чтобы сделать долгие дни приятнее.

– Я бы не беспокоился, Иоганн, – ответил Энтон, допив вино. – Это пари – просто для праздничного развлечения ее величества.

– Какого развлечения? Ты должен играть рождественского шута? Лорда Мисрула – этого «лорда беспорядка», рождественского короля шутов?!

Энтон расхохотался:

– Что-то вроде... Я должен научиться танцевать!

Глава 5

Канун Рождества. 24 декабря

«Падуб и плющ, самшит и лавр вносят в дом на Рождество! Фа-ля-ля-ля...» – Розамунда улыбалась, слушая знакомую песню, – она всегда звучала, когда дом украшали к Рождеству. Королевские камеристки и фрейлины украшали гирляндами Грейт-холл – Большой зал и коридоры для вечернего и ночного торжества. Установленные вдоль галереи столы покрывали падубом, плющом, омелой, зелеными венками, лентами и усыпали блестками. Под неусыпным оком мисс Эглионби, старшей над камеристками, руководящей фрейлинами и горничными, они должны были превратить столы в произведения искусства. Розамунда с Анной Перси свивали кольца из плюща и наблюдали за Мэри Хауард и Мэри Радклифф, которые раскладывали гирлянды, чтобы измерить их.

Впервые за много дней Розамунда забыла о тоске по дому и своей неуверенности и просто думала о том, как же она любит это время года, эти двенадцать дней, когда мрак зимы отступает перед музыкой, вином, изящными поклонами. Да, Розамунда далеко от дома, но королева устраивает очень веселый праздник, и она должна получить от него как можно больше удовольствий. Розамунда взяла два обруча, связала их в виде шара для ветви поцелуев. Она выбрала со стола самые темно-зеленые петли падуба и плюща, обвила их вокруг шара и закрепила красными лентами.

– Ты поцелуеву ветвь делаешь, Розамунда? – поддразнила ее Анна; сама она вязала венок на каминную полку.

Розамунда рассмеялась:

– Моя служанка Джейн говорит, что если постоять под нею с закрытыми глазами, то увидишь своего будущего мужа.

– А если он подойдет и поцелует, пока ты стоишь с закрытыми глазами, так оно еще лучше, – расхохоталась Анна.

– Это помогло бы все решить с замужеством.

– Нет, я уверена, тебе нельзя такими трюками увлекаться, – прошептала Анна. – Как же тогда твой возлюбленный дома?!

Розамунда нахмурилась, глядя на незаконченную поцелуеву ветвь. В прошлом году под такой же ветвью ее поцеловал Ричард. Тогда ей показалось, что он любит ее, а она его. Сейчас это казалось таким далеким, как будто случилось с кем-то другим.

– Он не мой возлюбленный.

– Но ты же хочешь, чтобы он им был? Розамунда вспомнила поцелуй Ричарда на прошлое Рождество.

– Это невозможно.

– Родители так сильно настроены против него?

Розамунда кивнула и взялась за зеленые, красные и белые розы Тюдоров из бумаги, чтобы добавить их в поцелуеву ветвь.

– Они говорят, что их семья нам не ровня, хотя их поместье по соседству с нашим.

– Единственное их возражение?!

– Нет. Они еще говорят, что его характер несовместим с моим.

Розамунда почувствовала острую душевную боль, когда вспомнила эти слова отца. Она плакала, умоляла, будучи уверенной, что родители отступят, как они делали всегда. Отец, казалось, очень огорчился, что отказывает ей, но был непреклонным.

– Когда ты встретишь того, кого действительно полюбишь, говорил он, поймешь, что мы с твоей матерью имеем в виду.

– Но ты его любишь? – мягко спросила Анна.

Розамунда пожала плечами.

– В наших семьях с нашими чувствами не считаются, – тяжело вздохнула Анна.

– У тебя родные тоже непреклонные? – спросила Розамунда.

– Нет. Мои родители умерли, когда я была еще ребенком.

– О! Анна! – вскрикнула Розамунда. – Как это ужасно!

Ее родители могли дойти до крайнего раздражения, но до появления Ричарда они были нежными и сердечными с нею, своим единственным ребенком. А она с ними.

– Я их почти не помню. Я выросла у бабушки; она такая глухая, что вряд ли знала, что со мной происходит. Не так уж плохо. А потом появилась моя тетя. Она и подыскала мне это место при дворе. Они хотят выдать меня замуж, но по своему усмотрению. Как и твои родители, должна сказать.

– А кого они выбрали? Анна пожала плечами:

– Еще не знаю. Но пожалуй, кого-нибудь старого, ворчливого и беззубого. Какого-нибудь дружка тетиного мужа. Может, хоть богатый будет.

– Нет, Анна, нет!

– А-а-а! Все равно! Нам надо сосредоточиться на твоём романе. Надо придумать, как тайно переправить ему письмо... О, вот, добавь в свою ветвь омелы. Без нее никакого волшебства!

Розамунда засмеялась, взяла у Анны толстую ветку глянцевиной омелы и привязала в центре своей. В самом деле некое волшебство уже плавало в зимнем воздухе: она чувствовала себя легче с приближением Рождества.

Как ни странно, но, глядя на омелу, она видела не светловолосого Ричарда, а темные глаза, сильное худощавое тело под облегающим его бархатом, летящее над сверкающим льдом.

– Падуб и плющ, самшит и лавр вносят в дом под Рождество, – прошептала она.

В другом конце галереи поднялась какая-то суматоха: вошли мужчины, внося с собой холод дня. Среди них был тот симпатичный молодой человек, который в прошлый раз подмигнул Анне, а она от него отмахнулась. И был Энтон Густавсен, с коньками, перекинутыми через плечо: черные волнистые волосы выбились из-под бархатной шапочки.

При виде их леди захихикали, смущенно краснея. Розамунда боялась, что она тоже покраснела – чувствовала, как горят ее щеки. Она склонилась ниже к своей работе, но и в жемчужных ягодах омелы видела глаза Энтон и его дразнящую улыбку.

– Мисс Анна, – сказал один из вошедших. Розамунда подняла глаза и увидела, что это был тот, кто подмигивал Анне. Вблизи он выглядел еще симпатичнее, с длинными золотисто-русыми волосами и зелеными, как изумруд, глазами. Он улыбался Анне, но Розамунде показалось, что она заметила странное напряжение в уголках его рта и быстро завуалированную вспышку в глазах. Возможно, не она одна скрывала свои тайные чувства. – Что вы здесь делаете?

Анна даже не взглянула на него, а, наоборот, сосредоточилась на своих руках, перебирающих ленточки.

– Кто-то же из нас должен работать, лорд Лэнгли, а не только целый день резвиться на льду.

– Ох, какая тяжелая работа! – весело ответил лорд Лэнгли.

Он уселся на конец стола, свободный от плюща. На указательном пальце у него блестело золотое кольцо с чеканкой в виде гребешка феникса, герба рыцарской семьи. У Розамунды перехватило дыхание. Обожатель Анны был граф Лэнгли. И не старым, и не ворчливым. Она против воли бросила взгляд на Энтон, не хотела ни смотреть на него, ни вспоминать об их пари и своих глупых мыслях о поцелуевой ветви и катании на льду. Но ее будто что-то заставило посмотреть, что он делает. А он стоял у окна, вальяжно облокотившись о резную раму и

наблюдая, как его спутники хихикают с двумя Мэри. Веселая полуулыбка играла на его губах. Розамунда крепче вцепилась в свою поцелуеву ветвь, и тут же ей померещилось видение, как она стоит с ним под зеленой сферой, смотрит на него, на эти губы, и ей очень захотелось узнать, что она почувствовала бы, если его губы прижались к ее губам в поцелуе. Она представила себе, как берет его за плечи, теплые, мускулистые под прекрасным бархатом. Как гладит руками по его рукам, а его губы приближаются к ее губам, приближаются. . . И тут его улыбка расплылась, будто он прочел ее мысли. Розамунда затаила дыхание и устремила взгляд в стол; щеки ее полыхали.

– Мы не только катались, мисс Анна, – проговорил Энтон. – Нас королева послала подыскать хорошенькую колоду для камина на Святки.

– И вы нашли, конечно? – едко спросила Анна, вырывая плющ из руки лорда Лэнгли.

Тот расхохотался и взял вместо плюща ленточки.

– Пока не нашли, но сегодня снова пойдем. Только самые хорошие возьмем для Рождества королевы и ее леди.

– Вот и поторопитесь. Рождество-то завтра.

– Не бойтесь, мисс Анна. Если я что задумал, то добьюсь обязательно.

– Обязательно?! – подхватила Анна. – А я-то боюсь, что для всего есть свое время, даже для разочарования.

Зеленые глаза лорда Лэнгли прищурились, а Энтон усмехнулся и подошел ближе к столу. Он склонился над плечом Розамунды, дотягиваясь до веточки падуба. Розамунда тяжело сглотнула, когда он шеей коснулся ее рукава, мягко, тепло и в то же время со снежной свежестью.

– Э, лорд Лэнгли, – протянул Энтон, – работа с падубом сделала сегодня леди такими раздражительными. Может, нам лучше удалиться, пока нас не поцарапали.

Лорд Лэнгли тоже рассмеялся:

– У вас, у шведов, такая тонкая кожа? У нас здесь покрепче защита от колючек леди.

– Разве от этого можно защититься?! – спросил Энтон. Розамунда взяла веточку из его рук осторожно, стараясь не коснуться его пальцев. – Говорят, если листья падуба закругленные, то следующий год в доме будет править миледи. Если с зазубринками, то – милорд. А какие же эти? – Энтон опять взял веточку падуба, провел пальцем по блестящему зеленому листочку. – Что бы это могло значить, если половина листа закругленная, а другая половина с зазубринами?

– Так не бывает, – засмеялся лорд Лэнгли. – В каждом доме править может только кто-то один.

– В доме королевы все листочки всегда гладкие, – сказала Анна. – А теперь будьте так любезны и помогите нам развесить в зале гирлянды.

Энтон вставил маленькую веточку падуба в зачесанные наверх волосы Розамунды; край его ладони коснулся ее щеки.

– Вот так, леди Розамунда, – шепнул он. – Теперь вы совсем готовы к празднику.

Розамунда дотронулась до веточки, но не выдернула ее, а оставила на память.

– В таком случае вам лучше опасаться моих колючек, мистер Густавсен. Их, может быть, не видно, как на листьях, но они есть.

– Учту. Но я не тот, кто испугается ожога крапивой, леди Розамунда, даже самой жгучей.

Он положил свои коньки на стол, сдвинув длинную гирлянду из плюща и лент, и подал ей руку:

– Вы мне покажете, где должны висеть ваши украшения? Я бы очень не хотел нарушить ваш замысел украшения залов.

Чуть посомневавшись, Розамунда кивнула и протянула руку, позволяя ему помочь ей встать. А другой она взяла свою поцелуеву ветвь, и они пошли за всеми остальными. Все принялись напевать.

Розамунда не удержалась и стала подпевать в счастливом предчувствии праздников. Она улыбнулась Энтону, удивленная тем, что он тоже подпевает.

– Вы знаете английские песни, мистер Густавсен? – спросила она, когда они подошли к огромному камину.

Он отпустил ее руку, чтобы взять табурет, и Розамунда почувствовала себя покинутой.

– Моя мама была англичанкой, – ответил он, вставая на табурет.

Розамунда подала ему конец гирлянды, который он закрепил на деревянной стойке, покрытой искусной резьбой. – Она всех в доме научила своим старым любимым песням.

– А как у вас, в Швеции, празднуют Рождество? – любопытствовала Розамунда.

– Полагаю, так же, как и здесь, – званые обеды, приемы, зрелищные представления, подарки... И еще у нас есть День святой Люции.

– Святой Люции?!

– Да. Очень старая шведская традиция. Святая Люция – наша защитница. Мы чествуем ее каждый декабрь, устраиваем шествие, которое возглавляет дама, изображающая Люцию. И она ведет католиков-беженцев в катакомбы, освещенные факелами, и раздает им еду, пока совсем сама не измучается. Она одевается в белое платье с красными лентами и надевает корону из свечей. А когда она раздает сладости и деликатесы, все поют ей песни.

Розамунда, восхищенная, засмеялась:

– Какая прекрасная традиция! А у нас пока нет святых.

– В Швеции тоже нет, кроме Люции. А вас обязательно выбрали бы на роль Люции.

– Меня? Мои родители сказали бы, что я меньше всех других подхожу на роль святой.

Энтон кашлянул:

– Да, вы кажетесь упрямой, леди Розамунда.

– О! Премного благодарна, – поддразнила его Розамунда. – Еще одна шведская привычка – оскорблять леди под Рождество?

– Ни в коем случае. Упрямство – такая черта, которая чрезвычайно нужна при дворе.

– Правда. Может, я при дворе и недолго, но тоже заметила.

– Но вас все равно выбрали бы на роль святой Люции, из-за вашей красоты. У Люции всегда светлые волосы, голубые глаза, и она должна уметь выразить свежесть и щедрость. Эти качества нельзя свести на нет никаким упрямством.

Розамунда почувствовала, как краска смущения снова заливает ее лицо. Так она не покраснела бы ни от какого комплимента, высказанного другим мужчиной. Он считал ее красивой!

– Может, эта такая традиция, которую нам следовало бы перенять.

– Обязательно. – Энтон слез с табурета и осмотрел свою работу.

– Вам нравится?

– Что нравится? – спросила она, все еще ошеломленная. Он нравится? Она очень боялась, что – да. Он был совсем не таким, как Ричард.

– Украшения.

– Ах, украшения! Очень празднично.

– Тогда нам осталось подыскать место для этого. – Он взялся за поцелуеву ветвь, которую все еще держала Розамунда, почти забыв о ней.

– А, это глупость, – возразила Розамунда, отступая назад. – Королева определенно не захочет видеть ее в зале.

– Почему? – Энтон приблизился, чтобы взять зеленый круг в руки. Он осмотрел омелу, трепещущие ленточки и расплылся в улыбке. – Поцелуева ветвь!

Розамунда вырвала у него ветвь:

– Я же сказала, что это глупость!

– Мне мама рассказывала, что, когда она была девушкой, она делала поцелуеву ветвь, чтобы гадать, кто станет ее мужем.

– А я сделала ее совсем не поэтому. Просто мне показалось, что она симпатично выглядит.

Энтон подошел совсем близко и наклонился, чтобы шептать ей на ухо. От его свежего дыхания у нее на темени зашевелились завитушки и ее охватила дрожь.

– И еще она мне говорила, что если ты поцелуешь кого-то под этой ветвью в полночь под Рождество, то он будет твоей настоящей любовью до конца года.

Розамунда закрыла глаза, пытаясь не обращать внимания, как его дыхание растекается по ее коже.

– Тогда этого лучше не вешать. Здесь, при дворе, за настоящую любовь жестоко мстят.

Энтон засмеялся, беря ветвь из ее рук:

– Нет, она слишком симпатичная, чтобы ее ломать. Мы ее повесим здесь, за гобеленом. Ее смогут найти только те, кому она действительно нужна.

Розамунда не успела возразить, как он пошел к гобелену и отвернул его, открывая зазор между стеной и гобеленом, потом подпрыгнул, чтобы зацепить ленточную петлю за выступ в резьбе дерева; ветвь закачалась на подвеске, зеленая и нарядная. Затем он вернул гобелен на место, и тот скрыл потайное пространство.

– Вот так, леди Розамунда, о ней знаем только мы двое.

Их секрет! Розамунда хотела убежать, как в тот день, когда увидела его на пруду. И не могла, будто была связана с ним лозами плюща, и красными лентами, и еще темным блеском его глаз.

Она коснулась кончиком языка пересохших губ и увидела, как глаза его сузились в ответ на это ее незаметное движение.

– Темза уже совсем замерзла? – тихо спросила она.

– Почти замерзла, – хрипло ответил он. – Говорят, на днях будут сильные морозы.

– Сильные морозы?! Их не было уже много лет, еще с тех пор, как моя мама была ребенком.

Розамунда потупилась, почувствовав себя вдруг совсем бесстыдной:

– Тогда вы сможете учить меня кататься?

– Вы мне кажетесь очень способной ученицей, леди Розамунда. А я смогу танцевать на Крещение?

– Надо подождать. Наш первый урок танцев только завтра.

– Я мечтаю о нем.

Розамунда присела в реверансе и побежала. Она тоже очень мечтала об их уроках. О всяких уроках...

Ей было так уютно в теплой жизни замка Рамси. А сейчас она чувствовала себя такой неуверенной, как будто балансировала на краю глубокой неведомой пропасти между собой прежней и нынешней, между той, которой она была, и той, которую она еще не знала. Малейший толчок мог свалить ее или в ту или в другую сторону. Или она могла прыгнуть.

Она ринулась из зала и повернула к лестнице, которая вела к апартаментам камеристок, но на первой же ступеньке замерла. Выше, на лестнице в темноте, стояла Анна, погрузившись в разговор с лордом Лэнгли. Их голоса были низкими и напряженными, будто они ссорились. Он потянулся к руке Анны, но она отступила назад, качая головой, а потом побежала вверх по лестнице.

Лорд Лэнгли развернулся и пошел вниз. Розамунда сжалась у стены, надеясь, что в сумраке он ее не заметит. Но он, кажется, вообще ничего не видел. Его красивое лицо, недавно светящееся весельем, было мрачным и натянутым от злости.

– Чертова упрямица! – бормотал он.

Розамунда помедлила, не зная, что ей делать. Ее собственная романтическая жизнь зашла в тупик, так что ей не до помощи кому-либо еще. Но Анна была ее подругой.

Чувствуя себя зажатой между Сциллой и Харибдой, Розамунда попелась в общую спальню фрейлин. Остальные леди еще украшали залы, и только Анна одна-одинешенька лежала на постели, отвернувшись к двери спиной. Она лежала тихо, без всхлипываний и вздохов. Розамунда на цыпочках подошла к ней.

– Анна? – ласково позвала она. – Что-нибудь стряслось?!

Анна повернулась к ней. Глаза у нее были сухими, но красными, и черные кудри выбились из прически.

– О, Розамунда! Посиди со мной.

Розамунда присела на край постели и достала из вышитого кармана на талии носовой платок.

– Расскажи мне о своем возлюбленном там, дома, – попросила Анна, облокотившись на подушечку. – Он красивый?!

– О-о! – простонала Розамунда, испуганная вопросом Анны. Она сделала над собой усилие, чтобы вспомнить Ричарда, как он ей улыбался, улыбкой без скрытых глубин и тайн, совсем не как Энтон Густавсен. – Красивый... – медленно выговорила она.

– Светленький? Черненький? Высокий?

– Светловолосый, среднего роста.

– Здорово целуется, могу поспорить. Розамунда засмеялась:

– Ну, неплохо, думаю. – Хотя сравнивать ей было не с кем.

– И он любит тебя, хочет на тебе жениться? В этом Розамунда сомневалась:

– Говорил, что хочет, когда я видела его в последний раз. – Но потом он исчез, оставил ее одну спорить с родителями. Слуги говорили, что осенью он совсем куда-то уехал.

– Тогда ты счастливая, – вздохнула Анна.

– А лорд Лэнгли не хочет?

– Говорить о нем не хочу! – оборвала ее Анна. – Не сейчас. Я бы лучше послушала про твою любовь.

Розамунда откинулась на спину и уставилась на вышитую внутреннюю сторону штор, будто там могла прочесть ответы.

– Я давно ничего о нем не слышала, а сейчас уже не уверена, захочу ли я о нем слышать.

– Могу поспорить, что он тебе писал, да родители перехватили письма. Так было с моей подругой Пенелопой Лилэнд, когда она хотела выйти замуж за лорда Першинга.

– Вот как? – Розамунда нахмурилась. Ей такое в голову не приходило. – Как же мне узнать?

– Нам надо придумать, как с ним связаться. – Голос у Анны наполнился возбуждением от новой интриги. – Раз он знает, где ты, наверняка переберется куда-нибудь сюда, поближе к тебе.

Розамунда не была в этом уверена. Ей казалось, что ее страстная увлеченность Ричардом принадлежит кому-то другому, юной девочке, которая не понимала ни самое себя, ни окружающего мира. Но если это поможет развлечь Анну, да и себя тоже, то она не против попытаться. Может, тогда она не будет так тонуть в паре темных глаз?

«Надень на голову венок, утопи печаль в бокале вина, и пусть веселятся все!»

Розамунда беспомощно засмеялась, когда весь большой зал загремел песней. Было ясно, что все кругом уже весьма обстоятельно утопили свою печаль, а рождественский пир продолжался. Длинные столы были завалены остатками еды; бокалы и кубки опустошены. Украшения зала, освещенные теперь полыхающим камином и дюжинами фонарей, сказочно мерцали красными, зелеными, золотыми блестками, превращая огромный зал в праздничный будуар.

Смех был таким же громким, как пение; взгляды становились все продолжительнее, все откровеннее... А ночь продолжалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.